

яна **Р**озова

енский детектив

**УБИЙЦА
В ФАМИЛЬНОМ
ГНЕЗДЕ**

Только найдут нас
не скоро. Будет
очень романтично:
мумия мужчины
сжимает
в объятиях
мумию
женщины.

Яна Розова

Убийца в фамильном гнезде

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645775

Убийца в фамильном гнезде / Яна Розова: ЗАО Издательство

Центрполиграф; Москва; 2011

ISBN 978-5-227-02722-1

Аннотация

Нета прибыла в станицу Белые Камни, чтобы найти убийцу сестры. Вета провела последний год своей жизни в роскошной усадьбе Цируликов, настоящем родовом гнезде. Семейство было большим, и распознать, кто есть кто, оказалось не так-то просто: врун сидел на вруне и вруном погонял. Виктор Цирулик, хозяин поместья, на склоне лет забавлялся тем, что регулярно менял завещание, рождая бесконечные распри среди наследников. Белой вороной в семье Цируликов казался Илья, открытый, искренний, свободный, как его афганская борзая. Неужели добрый взгляд и дружеская улыбка – всего лишь маска жестокого преступника?..

Содержание

Часть I	4
Часть II	33
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Яна Розова Убийца в фамильном гнезде

Часть I Газета “Вечерний Гродин”. Официальный сайт

7.04

В понедельник, 6 апреля, город Гродин был потрясен известием о гибели молодого врача анестезиолога Константина Цирулика. Его тело было обнаружено сотрудниками Первой областной больницы в коридоре приемного покоя в 23.30. По предварительному заключению судмедэкспертов, Константин Цирулик был убит выстрелом из пистолета. Пуля попала в печень, и шансов выжить у пострадавшего не оставалось.

Криминалисты считают также, что тело Цирулика было доставлено в больницу с места преступления – из квартиры молодого доктора. Там же, в квартире был обнаружен труп

жены Константина – Светланы. Женщину застрелили из того же оружия, что и ее мужа.

Константин Цирулик был внуком экс-мэра города Гродина, покинувшего свой пост пять лет назад, в связи с выходом на пенсию.

Виктория Бажова

10.01 23.49

**from Veta
to Neta**

Нетка, я такая дура! Сейчас сижу и плачу, потому что стыдно, как никогда. Нетка, ты бы так не поступила. Ты всегда знаешь, что хочешь, ты уважаешь себя. Если бы мама с папой живы были, они бы мне тебя в пример приводили. Да я и сама себе привожу в пример только тебя.

И так плохо, что тебя со мной нет. Вот сейчас я понимаю, почему ты не хотела уезжать. А мне казалось, как же, Париж! Нельзя отказываться, тем более, что все так классно получилось. Если бы ты тут была, со мной бы этой ерунды не случилось.

Хотя, чего бы не случилось? Я же сама все и сотворила. Как я жалею!

Ну, ты знаешь, что мы с девчонками устроились в фирму, которая обслуживает свадьбы, всякие банкеты, корпоративы. Мы там работаем официантками, я тебе писала. Мне

это не нравится, я не люблю чувствовать себя прислугой, а что делать?

Мне все равно денег не хватает, даже с теми евро, что ты мне присылаешь. И потом я пытаюсь немного откладывать. Хорошо, что у нас с тобой есть бабушкина квартира, но здесь нужно ремонт сделать. И я хочу машину, хотя купить ее смогу только лет через двадцать.

А сейчас осень и мне понадобились сапоги. Мои старые немного протекают и вид потеряли. А я видела сапожки всего за восемь тысяч – замшевые, правда. Но, Нетка, они такие красивые! Я знаю, ты считаешь, что замша для города не годится, особенно если приходится ездить на общественном транспорте, но они такие красивые...

И вот мне пообещали за работу на той свадьбе три тысячи, плюс стипендия, плюс моя заначка из евро. У меня бы набралось восемь тысяч.

Поэтому сегодня утром я отправилась работать на свадьбе.

А свадьба, Нетка, там была такая, что я офигела. В большом частном доме! Я в таких никогда раньше не была, а оказывается, есть люди, которые так каждый день живут. Там даже завидовать нет смысла. Все равно, как в кино...

Письмо слишком большое. Я отправлю это и допишу в следующем письме. Прямо сейчас.

10.01 01.20

**from Veta
to Neta**

Свадьба, часть вторая.

У этих людей – родителей невесты – на первом этаже дома есть зал. Вот прям настоящая бальная зала, хоть Наташу Ростову зови! Представь: зеркала, колонны, лепка, люстры, паркет. В той зале и были накрыты столы.

В смысле, мы с девчонками их и накрыли. Привезли нас в дом около восьми утра, чтобы мы к двенадцати дня все подготовили.

Мы быстро справились, все у нас нормально получилось. А как стали еду на столы носить... Нетка, там такие закуски! Там икра, паштеты, балыки, лососина, окорока, колбасы, сыры восьми сортов! Там все коньяки – “Камю” и “Мартели”, а вина не могу тебе назвать, потому что все они были французские – шато и мурло. Одна ты смогла бы прочесть. Моя подружка, Светка, сказала, что бутылка такого вина в оптовой продаже на две штуки в рублях тянет. Нетка, четыре бутылки стоят, как мои сапоги!

Невеста мне не понравилась. Обычная такая девка, толстая, морда в прыщах. Вот я думаю, неужели за их деньги не смогли с ее рожи прыщи повыводить? Сколько салонов красоты, сколько косметологов вокруг! Да и жених... То-

щий, длинный, нескладный. Очень быстро упился и всю свадьбу сидел оловянный, тупо вытаращившись, безвольный как кукла. Невеста его поднимала после каждого тоста и, держа чуть ли не на весу, расцеловывала.

Первый танец у них был чудовищный. Мы, официантки, конечно, сдержались, не ржали. А вот кое-кто из гостей, особенно молодежь, так просто закатывались, не стесняясь: тумбочка танцует со шваброй!

Понимаю, тебе все это неинтересно. Ты у нас презираешь быдлянские развлечения, особенно, если на них затрачивается столько же денег, сколько стоит лечение ребенка, больного раком где-нибудь в Германии.

Но, описывая все это, я просто тяну время. Не хочу тебе рассказывать о своем позоре. (А ведь промолчать не смогу – меня изнутри разорвет!).

Ну, ладно, что уж кругами ходить?! У жениха был дружок, просто смерть моя! Помнишь, мы с тобой мечтали – у кого какой парень будет? Ты тогда сказала: постарше меня, с темными волосами, обязательно высокий, крепкий, плечистый. Умный, ты сказала, с чувством юмора, добрый к детям и животным, и многое уметь должен. И необязательно суперкрасивый, но с мальчишеской улыбкой...

Я допишу в следующем письме.

11.01 12.30

**from Veta
to Neta**

...А я сказала – все это неважно. Пусть только как увижу его, так все внутри загорится. Мне так хотелось кого-нибудь полюбить по-настоящему. Мне, ведь, так не везет в любви!

Нетка, и вот – загорелось!

Я безумно устала к тому времени, когда гости за столы сели, но как только этот парень вошел в зал, я просто воспрянула. Метнулась в комнатку, которую нам выделили для наших вещей, подкрасилась, лицо припудрилась – у меня опять нос блестеть начал, видно, надо отказаться от жирного и сладкого.

Понятно, что я больше всего времени провела возле стола жениха с невестой. Этот стол должна была моя подружка обслуживать, но она не возражала против моей помощи. И я стала посматривать в сторону того парня. Он был симпатичный, но, главное, что в нем было и что меня так зацепило: он был очень уверен в себе. Смотрел свысока, но без гонора, будто бы что-то его возвышало над остальными изначально.

Думаю, он был студентом или недавно закончил вуз, а еще, как мне показалось, на нем был настоящий дорогой костюм, какой-нибудь фирмы, которая рекламируется в твоём любимом “Эсквайре”.

Посматривая на этого парня, я замечала, что и он обращает на меня внимание, задерживает на мне взгляд. И это было приятно. Знаешь, я не звезда. У меня нет такого, как у моих подружек – десятки женихов вокруг вертятся, выбирай любого! Да и у тебя тоже, потому что мы в этом смысле одинаковые. Никудышные кокетки и глупые простушки в поисках безумной любви. Нас за это бог и накажет каким-нибудь венцом безбрачия. Проще надо быть, люди к тебе и потянутся.

Ой, телефон звонит. Это староста моей группы. Завтра напишу.

12.01 11.30

**from Veta
to Neta**

Если честно, я ведь не думала с ним знакомиться или вот чтобы так случилось, как случилось. С моей стороны это была игра, просто для того, чтобы было не так скучно работать. Во времена “Трех мушкетеров” меня называли бы гризеткой.

Слушай, а ты так и не написала, нашла ли ты улицы Парижа, которые упоминал Дюма в “Трех мушкетерах”? Вот наш папа бы первым делом обегал весь Париж, чтобы пройтись там, где ходил Атос.

Это я снова пытаюсь отложить свое покаянное признание.

Ну и вот. Продолжаю свою грустную, и позорную повесть о чужой свадьбе.

К шести вечера маленький оркестр, который раньше только что-то наигрывал фоном, заиграл вальс. Это уже было после первого танца жениха с невестой. Танцевать вышли всего две пары, но они не вальс танцевали, а просто с ноги на ногу переминались. Я вспомнила, как мы с тобой ходили в детстве в студию бальных танцев и, входя на кухню, сделал тур с разносом.

Ну, а дальше – все как в самых романтических фильмах Голливуда. Я отнесла в зал тарелки с горячим, а, когда проходила назад, нос к носу столкнулась с тем парнем.

Нетка, он пригласил меня на вальс! Я, конечно, сказала, что не могу, что мне нельзя, но он не слушал. Просто отобрал разнос и вытащил в центр зала...

Я кружилась с ним, как будто это была моя свадьба. Это такое счастье – танцевать с парнем, у которого такие крепкие руки, такая гордая осанка, такие точные движения, такой ласковый взгляд! Вот так и влюбляются раз и навсегда, до самой своей гробовой доски.

После танца он выпустил меня из своих объятий немного позже, чем это было нужно. Думаю, что выглядела я в эту минуту жутко: красная, растрепанная и не могла удержать счастливую, до ушей, ухмылку. Как стыдно и противно!

В коридоре меня подловила моя начальница и велела убираться со свадьбы немедленно. Ей уже сделала замечание хозяйка, мать невесты и сказала, что из-за моей “выходки” заплатит фирме в два раза меньше. Начальница, конечно, вра-

ла мне, но свои три тысячи я потеряла стопроцентно.

Было так обидно! Ну что я такого сделала? Просто станцевала один танец! Нетка, это было так обидно.

Сейчас еще допишу.

12.01 12.02

**from Veta
to Neta**

Пришлось идти в комнатку, где были наши вещи, переодеваться и валить оттуда поскорее. Выхожу я из комнатки, а в коридоре стоит он. И так меня это обожгло!

Он заговорил со мной. Извинился, что из-за него мне досталось. И так мило предложил компенсировать мои потери. Я твердо отказалась.

И тогда он сказал, что должен тогда найти способ исправить мое настроение. Например, мы могли бы вместе выпить по бокальчику на втором этаже, там есть кабинет хозяина дома, а в нем бар. Хозяин дома – какой-то дальний родственник этого парня, поэтому на мою голову больше не свалится неприятностей.

Мы пошли вверх, в красивый кабинет, будто из советского фильма про западную жизнь, снятого на Рижской киностудии. Парень налил нам вина, и мы выпили.

Ты сейчас думаешь, что он мне в бокал чего-нибудь подсыпал, но это не так. Я бы и сама ему подсыпала в тот мо-

мент. А когда он потянул меня в соседнюю спальню, якобы показать вид с балкона, я чуть не впереди него побежала.

Мы оказались в чьей-то спальне. Он закрыл дверь и повел меня к балкону. А меня уже трясло от возбуждения. Со мной ничего такого раньше не было. Ни с первым парнем, в восемнадцать лет, ни с тем придурком, на которого я весь прошлый год угробила. Только с ним.

Нетка, я даже не знаю, как его зовут!

До балкона мы не дошли. Кто первый на кого накинудся, я не помню. И он такие вещи со мной сделал! Это было лучше, чем в сказке и хуже, чем в порнофильме. Откуда он знал, чего именно я хотела?

У него все время звонил мобильный, но он не обращал на него внимания. А уже потом, после всего что было, сказал, что его ищет вся свадьба. Он же дружок. Ему надо бежать вниз.

Он поцеловал меня в последний раз и ушел, а я медленно оделась и... тоже ушла. Я шлюха?

12.01 11.13

**from Veta
to Neta**

Мне плохо. Я не хожу в институт, я вообще из дома не выхожу.

Началось все с того, что ночью опять приснилась темнота.

И снова мы с тобой идем в этой темноте, непонятно куда. А тебе не снилась темнота? Мне кажется, тебе тоже она должна была присниться. Раньше, помнишь, нам всегда одновременно это снилось.

Понимаешь, Нетка, этот парень был из другого мира. Я для него – прислуга. Таких, как я он табунами имеет в любое время, когда захочет.

Нетка, что мне делать? Мне плохо.

У меня нет даже твоей фотографии. Зачем ты их уничтожила? Я полезла в свой ноутбук, так ты и там навела свои порядки! Это был мой ноутбук! Свинство с твоей стороны так поступать!

И не надо говорить, что если я хочу тебя увидеть, я должна посмотреть в зеркало. Я всегда знаю, где ты, а где я.

Я чувствую, что ты только делаешь вид, будто у тебя все хорошо. На самом деле ты плачешь в подушку каждый день.

Не плачь, Нетка! Не стоит он того. Неблагодарная свинья этот Игорь Антонов. Он даже не пытается тебя найти с тех пор, как сам вышел из реабилитационного центра. Ты нужна ему была, пока он кололся, пока плохо ему было. Кто приходил к нему каждый день, чтобы покормить? Не его мать, а ты! Кто его в холодную ванну укладывал, кто скорую ему вызывал? Кто лекарства покупал? А теперь ты не нужна.

Знаешь, почему? Он теперь чист. Мне его сестра сказала – он теперь ни-ни! А его мерзкая мамаша считает, это тоже мне Галка сказала, что кололся он из-за тебя! Это ты его

подсадила на наркоту! Вот же стерва!

Он чист... Глупость какая! Все равно, он изнутри гнилой, пустой и жалкий человечиска.

Ты всегда была умнее и лучше меня, но сейчас ты глючишь, как компьютер, подцепивший вирус. Игорек Антонов – твой вирус.

Прости, я злюсь, потому что мне плохо, а тебя нет.

Я тебя люблю.

15.01 12.40

from Veta

to Neta

Нетка, привет!

Ладно, не ругай меня. Подрастешь, и все пройдет!

Ты считаешь, что мне надо выбросить из головы того парня и все что случилось? А ведь нет!

Он нашел меня, понимаешь? Мы снова встретились.

Представь, сегодня утром мне кто-то позвонил на мобильный. Я еще подумала, что не буду отвечать, потому что совершенно не хочу ни с кем видаться и не хочу ничего делать. Прозвучало три куплета из песни Земфиры (я опять поставила на звонок “П.М.М.Л.”), а потом телефон замолчал. Я только вздохнула с облегчением, а Земфира снова запела. И так три раза. В конце концов, надо было либо отключить телефон, либо все-таки ответить.

А это он.

Нетка, я чуть со стула не упала! Хотя нет, я на диване валялась, так что чуть с дивана не скатилась!

Он сказал, что этот тот самый придурок (так себя и называл!) со свадьбы, из-за которого я потеряла работу. Он думал, что я вообще официантка. По жизни. Я сказала, что это не работа, а подработка, что я студентка и нечего ему так себя ругать, потому что ничего страшного не произошло. Не буду же я ему говорить, что я не смогла купить сапоги, а из-за него самого у меня и вовсе жуткий депресняк.

Он пригласил меня в кино! Прямо сегодня. Он заедет за мной. Черт, он в шесть придет, а мне нечего надеть! Нетка, была бы ты дома! Ты бы меня выручила. Что мне надеть? Я не хочу выглядеть убого. Он же явно из небедной семьи, а я?

Его зовут Костя.

22.01 11.00

**from Veta
to Neta**

Нетка, привет!

Он такой классный!

Мы с Костиком не расстаемся уже неделю – с тех пор, как он мне позвонил. Ты спрашиваешь, где он взял мой номер и это странный вопрос для тебя. Ты в сто раз умнее меня, а я догадалась. Даже не буду тебе отвечать.

Слушай, энцефалопатия – симптом влюбленности. Ты не влюбилась?

По идее, ты тоже должна влюбиться именно сейчас. Мы, ведь, две половинки одного целого. Все, что происходит со мной, происходит и с тобой – помнишь?

Нетка, я такая счастливая. Я так влюблена, я столько счастья испытываю, что мне хочется всем говорить только хорошее, всем помогать, всех вокруг спасти. От всего. Вот, как богатые люди должны жертвовать деньги для сиротских приютов, так и счастливые просто обязаны делать что-то для несчастных.

Вот я сегодня Костика с братом помирила! У Костика есть старший брат, Никита, он работает на химзаводе. Заместителем директора по какой-то там части, а ему всего двадцать пять лет. Они с Костей погодки.

Никита не женат, встречается с девицей – дочкой хозяина молзавода, вроде. У Кости все друзья – чьи-то дети. Этих детей и называют “золотая молодежь”, прожигатели жизни. И Костя, по-моему, именно такой типчик. А я в этом их мире – просто белая ворона. Но они нормальные ребята, кажется. Думаю, я к ним привыкну со временем, учитывая, что я сирота.

Вчера вечером Никита приехал к Костику один, без подружки. Поэтому я не стала с ними сидеть, а пошла в спальню – почитать что-нибудь. Я совсем читать перестала из-за Кости. Вдруг, слышу – крики. Это братья ругаются.

Подождала минут пять – не прекращают ссориться. А я просто слышать не могу их крик! Ну, братья ведь, разве можно так орать? Мы с тобой никогда так не ссорились.

Слов я не разобрала, что они не поделили – не знаю. Да и не интересно. Но я пошла в гостиную и сказала им, чтобы немедленно помирились и обняли друг друга. Никита сказал мне, чтобы я дала им пять минут, а они больше ссориться не будут, потому что у них ненастоящая ссора. Просто у обоих взрывные характеры...

Через пять минут я снова вернулась и Костя с Никитой обнялись.

29.01 14.07

**from Veta
to Neta**

Неточка, как жить хорошо! Костя такой потрясающий, такой нежный, такой заботливый!

Ты не волнуйся, я понимаю, что мы с ним люди из разных миров. И он это понимает, но для него отсутствие у меня богатых папы с мамой не имеет значения. Ему все равно, честное слово!

Он, наоборот, хочет меня баловать, опекать, давать мне то, чего у меня раньше не было. Нета, он мне такие милые подарки дарит! Вчера подарил золотую подвеску в виде надкусанного кусочка шоколада! Это так симпатично, тебе по-

нравится.

Я фотки тебе к письму приложила, посмотришь.

Там мы в ночном клубе с Никитой и его молочницей, то есть, дочерью владельца молзавода. Потом – с Костей, Никитой и другими в Домбае. Ездили на прошлые выходные. Костик хотел научить меня на лыжах кататься, но у меня ничего не получалось все два дня. Ничего, на следующей неделе мы снова туда поедем.

Там на фотке с нами сестра Кости Виолетта. Да, вот такое у девочки имя. Виолетта старше Кости на четыре года и она совсем не похожа ни на Костю, ни на Никиту.

Она такая крупная, грудастая, задастая, хоть и не жирная. По-своему, она очень даже ничего, но только одевается, как профессиональная шлюха. Ну и накрашена – ого-го! Мне кажется, это ее портит.

И очень много выпендривается. Братья гораздо проще держатся, совсем не пытаются себя выставить на первый план. А Виолетта – просто зануда! Ты таких особенно не любишь: подайте мне это, уберите то, я не буду пить кофе с корицей и все вокруг идиоты. Никита ее терпеть не может, а Костя почти с ней не разговаривает. Но они родные люди и поэтому держатся вместе. Вот, что значит семья. Это я так пытаюсь тебя упрекнуть, если ты не поняла.

01.02 10.10

**from Veta
to Neta**

Нетка, я скучаю. У Кости дежурство, а я дома сижу. Я забыла тебе сказать, что Костик закончил мединститут, и учится в ординатуре, а работает врачом-анестезиологом в областной больнице. Эта работа не очень вяжется с образом золотого мальчика, каковым, по сути, Костик и является, но как-то очень подходит Косте.

Мне кажется, что он хороший врач, сочувствующий, добрый. О работе он не часто говорит. Но я же понимаю – все там рутина, боль, несчастные люди и их несчастные родственники.

Даже в голову не хочу брать твои слова, что мне понравилась сытая жизнь. Это нормальная жизнь, Нетка. Все люди хотят так жить, кроме тебя, мазохистки. Ты хочешь, чтобы в мире все были счастливы. Я тоже. Ты спасаешь каждую брошенную собаку. И я так делаю. Но мне непонятно, почему при всем этом ты обязательно должна отказываться от новой одежды или развлечений в ночном клубе? Ты рассуждаешь, как коммунист, фанатик, революционер какой-то. Нельзя же быть такой идеалисткой.

Уверена, что утро ты по-прежнему начинаешь с зарядки, а экономишь на всем, кроме кофе.

И, кстати, я бросила курить. А ты?
Нетка, я по тебе скучаю, я не могу без тебя.

03.02 20.10

**from Veta
to Neta**

Ты правильно догадалась, я живу у Костика. Ну и что? Почему тебе это не нравится? Я взрослый человек, мне двадцать три, а я должна ждать, пока на мне парень женится, чтобы переехать в его дом?

А у Кости просто шикарная квартира! Не очень большая, всего-навсего, двухкомнатная, но ремонт там – офигеть! Ну, я не знаю, как описать, в общем, круто, как в журнале о красивых квартирах.

Мне не нравится только, что Костины родственники у нас ошиваются. Буквально каждый день кто-нибудь да припрется. Хорошо, хоть готовить им не надо – все едят только в ресторанах. И не ночуют в городе. Но у нас проводят, чуть ли не целые дни.

Костя рассказал, что у него у единственного квартира в городе, а все остальные живут с дедом в загородном доме. Косте и Никите квартиру тут купили, чтобы они не ездили каждый день в город на занятия. Но Никита после института вернулся в дом деда.

В Гродине есть еще дом Костиного родственника, тот дом,

в котором мы познакомились на свадьбе. Но он не близкий родственник, седьмая вода на киселе.

Загородный дом все называют поместьем. Поместье “Теремок”. А кто-кто в теремочке живет? А живет там вся семья Цируликов. Как говорит Костик: патриархально. Во главе семейства – дед, которого Костя считает, чуть ли не богом. Дед решает судьбу каждого в семье. Звучит, прямо-таки, пугающе.

Даже представить себе не могу, чтобы кто-то решал мою судьбу.

28.02 23.04

**from Veta
to Neta**

Нетка, прости, долго не писала. Мы снова ездили в горы – на целую неделю. Только вдвоем, это был медовый месяц.

Нетка, ты должна меня понять, не осуждая. Я вышла за Костю замуж. У меня никогда не будет никого лучше его. И он не идеален, он нормальный парень, со своими плюсами и минусами. Причем, минусы серьезные, если мои догадки верны. Но я люблю его.

Я прощу ему все, что бы он не сделал. И он чувствует это, ему нужна моя любовь, мое прощение. Он ценит меня, понимаешь?

Я пишу, как сумасшедшая, я до сих пор не в себе отто-

го, что сделала. Можно, конечно, сказать, подумаешь, замуж вышла! Как вышла, так и развелась, чего нервничать? Но я так не могу. Для меня это все серьезно. Как у нашего папы с мамой.

И, кстати, Костик просил меня не обижаться, что пока он не спешит везти меня в Теремок. Для начала ему надо поговорить с дедом. Оказывается, это Костя мне признался, дед планировал женить Костю на дочери какого-то владельца пароходов, то есть, заводов в нашей области. Поэтому дед может рассердиться на внука за самовольный брак, да еще и мезальянс. (Про мезальянс я сама сообразила, он бы мне такого никогда не сказал). Но Костя уверен, что если все правильно организовать, то дед примет меня хорошо.

В отместку я не стала рассказывать ему о тебе, хотя постоянно вспоминаю тебя и все время говорю: а вот Нетка считает... или Нетка говорит, что... Костя думает, что Нетка – моя подруга, которая куда-то уехала.

А вчера приезжала мама Кости. Я не ожидала, что она появится, и струхнула, но все получилось очень даже хорошо. Она очень красивая женщина, актриса, работала в нашем театре, а сейчас живет в доме деда и больше не работает. Вот у нее вкус отличный. Она одевается, как женщина из 60-х. Знаешь, такая узкая юбка, кофточка простая, на вид скромная, но сразу видно, что очень качественная. Еще она носит платок на голове и темные очки. Это очень стильно.

Ее зовут Эльвира, но она абсолютно русская. Я даже по-

думала, что это ее псевдоним, но она сказала, что нет, имя настоящее. Просто у нее есть капля азербайджанской крови, ее дед был из Баку. Ее и называли Эльвирой, чтобы порадовать дедушку.

Костя признался ей, что мы поженились, и Эльвира так хорошо к этому отнеслась, что даже странно. Кто я такая? Просто никто, а она так ласково поздравила меня со свадьбой. Ты думаешь, что я униженно себя веду? Вообще-то кое-какие комплексы у меня проснулись – из-за Кости и всей его богатенькой семейки.

Оказывается, Эльвира приезжала на обследование в больницу. Костя водил ее по врачам. Там какой-то диагноз страшный – Альцгеймер или что-то еще.

Эльвира очень милая.

Утром приходила совсем не милая Виолетта, потом заглядывал на огонек Никита. Костя был дома, они с Виолеттой, а потом и с Никитой о чем-то говорили. Мне показалось, что брат и сестра пытаются выяснить у Кости что-то, а он не хочет им говорить.

Вообще, у них все время что-то происходит, о чем Костя мне не рассказывает. И мне не было бы это интересно, если бы они так старательно не скрывали свои дела.

05.03 20.23

from Veta

to Neta

Я сдаю госэкзамены. Между прочим, тебе тоже не вредно было бы закончить институт, и получить диплом. Сколько можно по Парижам разгуливать? Все-таки, четыре года ты отучилась, надо бы и закончить, и диплом получить. Я знаю, тебе наплевать на дипломы и прочее. Ты такая пофигистка!

Представь, а Костя предложил мне заплатить преподам, чтобы они меня не мучили. Глупый такой, честное слово. Мне это не нужно. Что такого, чтобы поучить немного? Тем более что я люблю историю, все, что изучаю в институте – я люблю.

Сам Костя тоже на работе не пропадает. Дежурить ходит, но то раньше придет домой, то позже уйдет на дежурство. Совсем по-другому к жизни подходит. Но я думаю, что он еще когда-нибудь поймет, что у него прекрасная, благородная профессия, что он может принести людям много добра. У нас с тобой тоже хорошая профессия, но не такая, как у него.

Нам обеим незачем бояться снов про темноту. Это ничего не значит, это только воображение. Сны, вообще, ничего не значат. Они – лишь реакция мозга на события и впечатления жизни. Понятно, что у нас с тобой на темноту особая реакция.

10.03 20.23

**from Veta
to Neta**

На день всех влюбленных Костя подарил мне машину. “Пежо”, прикинь, французскую! Классную! Я уже вожу. Правда, очень неуверенно, только с Костей. Меня пугает, что эта штука, моя красивая машинка, может запросто убить человека. Стараюсь быть супераккуратной.

Приезжал папа Кости, мой свекор – дядька лет сорока пяти, очень эффектный мужчина. Только мне показалось, что... глуповатый. Знаешь, немного напыщенный, и умно молчит, скрывая отсутствие мыслей. Но не злой, как мне показалось. У него собственная футбольная команда. Личная, понимаешь? Прямо, как у Абрамовича.

Валерий Викторович приехал в спортивном костюме, а на шее у него – свисток. Кому он в городе собирался свистеть, не знаю.

Они с Костей долго говорили о чем-то на кухне, попивая коньяк. Папа, по-моему, чем-то был расстроен. Костя его уговаривал не переживать. Но я опять ничего не поняла – я же с ними коньяк не пила!

А вчера Костя заболел. Накануне он с Никитой был у деда в загородном доме, в “Теремке”. Приехал – уже кашляет. Сказал, что они с братом рыбу в пруду ловили, ну, он и упал

в пруд. А Никита, конечно, здоровый. Он никогда в пруды не падает. Приехал сегодня после работы на минутку, привез Косте какие-то таблетки. Хоть Костя и доктор, а чем лечиться – не знает. Он же все экзамены купил.

Нетка, приезжай скорее. Твой Игореша женился. Не плачь и не горюй, он того не стоит. Он даже не старше тебя, плечики у него узенькие, собак не любит и улыбка у него крысиная.

Приезжай.

16.03 23.04

**from Veta
to Neta**

А у Кости дядя – поп. Самый настоящий поп. Его зовут отец Евстратий, только все в семье называют его Андреем. Андреем Викторовичем. И жена у него попадья, Анна Степановна. В жизни бы не поверила, что у Костика могут быть такие родственники.

Поп обычно ходит в костюме, а свое облачение надевает только в церковь. Крест, довольно весомый и весь из золота, украшенный красным камнем, он носит прямо на рубашке, вместо галстука. Выглядит это ужасно, но я ему этого не скажу. Не скажу ему и того, что бога нет, пусть себе думает, что хочет.

Ведь, если бы он был, наши мама и папа не погибли бы так

ужасно, в крошечной тьме. И вообще бы не погибли. Они были хорошими людьми, честными, добрыми, образованными и всем пытались помочь. Я их так хорошо помню, будто они только сегодня утром ушли на работу. А ты?

Попадья очень тихая, одевается в трикотажные кофты темных расцветок, унылые жакеты и длинные широкие юбки. Ей лет сорок, то есть, она моложе Эльвиры, а выглядит как ее мать. Но поп с ней считается, они, наверно, хорошо живут. В смысле – дружно. Детей у них нет, это странно, ведь верующим нельзя предохраняться, ибо презервативы препятствуют осуществлению воли бога. Может, кто-то у них нездоров физически? Или их бог так наказывает? (Это шутка, за что бы бог наказывал такую благообразную парочку?). Когда отец Евстратий узнал, что мы с Костей поженились, он стал бубнить, что мы должны венчаться в церкви. Я проявила чудеса дипломатичности, ответив ему, что обязательно обвенчаемся, как же иначе, но чуть позже. Но поп все равно объявил, что мы живем во грехе. Ну и ладно.

У меня теперь так получается: если в дверь позвонили, значит, ждут меня сюрпризы. Я уже открывать боюсь.

18.03 19.14

**from Veta
to Neta**

Зачем ты надо мной смеешься? Ну что я сделаю с таким

семейством? Может, они и кажутся нам чокнутыми – все, до единого – но ведь как мы с тобой можем об этом судить? У нас нет семьи уже очень давно – с двенадцати лет. Бабушку, я все-таки, за семью считать не могу. Семья – это когда один за всех и все за одного, а наша бабушка нас никогда не защищала от чужих. Но, возможно, нам это на пользу пошло: мы научились сами себя защищать и нас так просто голыми руками не возьмешь! Правда?

Я хотела устроиться на работу, но Костя считает, что этого не нужно. Он найдет нам деньги. Только я все равно пойду работать. Чуть позже. Так хорошо утром спать, сколько хочешь!

А к нам приходила вторая жена Костиного отца, Валерия Викторовича. Я забыла тебе сказать, что Костин папаша развелся с Эльвирой лет десять назад, а потом женился на другой женщине. Самое странное, что и Эльвира, и новая жена Валерия Викторовича живут в доме деда. Как я поняла, Эльвиру дед просто пожалел и оставил в поместье, потому что она больна.

У новой жены свекра имя тоже невшибенное: Руслана. Во как! И где он находит теток с такими именами? Серьезно, почему люди изобретают какие-то прозвища для своих детей? Вот нам мама дала хорошие русские имена: Анна и Светлана. Она не виновата, что в итоге получились Нета и Вета, правда?

Да, я же о Руслане начала... Она не противная, как и все

в семье, но есть в ней что-то дешевое, вульгарное в высшей мере, но рафинированное, отмытое. И в чем-то Руслана и Эльвира похожи. Говорят, что вторая жена всегда на первую похожа. Ну, в чем-то, конечно. Вот Эльвира – блондинка, а Руслана – брюнетка. А обе такие томные, расслабленные, загадочные, к поцелуям зовущие. По сути, их отличие только в колере.

Я злая? Может, и так. Только я не понимаю, зачем от добра добра искать?

Не могу писать, Костя пришел.

До завтра!

20.03 20.11

**from Veta
to Neta**

И что у них в семье происходит? Я не понимаю. Костя, который вообще не умеет ничего скрывать, дела семейные держит в страшной тайне. Я как-то спросила, о чем он с матерью говорил на кухне (она снова приезжала), а он не сказал.

Зато муж рассказал, что не так давно у него умерла бабушка, которую он очень любил. Дед пережил ее смерть очень тяжело, сразу сдал, скис, разболелся, но потом Костик нашел способ ему помочь. Я спросила – какой способ? А он не успел ответить – приехал Никитка, привез пиво, стал нам

про свои дела рассказывать. Я, вот теперь, думаю: может, Костик женщину для деда нашел? Но это как-то противно.

Приезжала и Виолетта, которая, кстати, сводная сестра Кости, а вовсе не родная, как я раньше думала. И у них был скандал. Ну, тут я поняла, в чем дело: Виолеттка на весь дом орала. Она, оказывается, взяла кредит на машину, а так как живет за городом, то попросила Костику платить за кредит. Оставила деньги и все такое, а он каждый месяц, в течение года пропускал назначенную дату. В итоге, Костик испортил Виолетте кредитную историю. И теперь, когда Виолеттка снова захотела взять кредит, она выяснила, что находится в черном списке, поэтому кредит ей не дали. Как она ругалась матом! Боже, у меня уши заложило!

В ответ мой муж ее послал, что мне показалось несправедливым, ведь он виноват по всем статьям. Потом я ему сказала, что он не прав, но извиняться он и не подумал.

Впрочем, она уже на следующий день заезжала – она была в городе, и ей вдруг понадобился туалет. Заодно и помирилась с братцем.

Все такие смешные в этой семье Цирулько!

05.04 21.16

**from Veta
to Neta**

Знаешь, мне что-то не по себе. Сны опять... Тоннель, тем-

нота, топот ног. Я просыпаюсь уже второй день в поту.

Пожалуйста, разреши мне рассказать о тебе Косте. Он мне все о своей семье рассказал, а я – ничего. Мне же приходится каждое слово свое контролировать, ведь на языке у меня ты. Я очень по тебе скучаю.

Часть II

Мужчина с поводком

1

Ночью прошел дождь, настоящий майский ливень. Я не спала, когда потоки воды обрушились на город, потому что мне не спится уже больше месяца, с шестого апреля. Задремать удалось только часов около трех, да и то, опять снилась темнота. Ливень к этому часу чуть ослаб, но дождь лупил уверенно, грозно шумел по крыше одноэтажного дома за окном и обещал непролазные топи к утру.

Дождь выполнил ночные обещания. Утром я шла на автостанцию, напоминая сама себе американского солдата во Вьетнаме в период тропических дождей. Не знаю, почему именно такая возникла ассоциация, но она возникла и точка.

В здании автостанции, куда я забрела в поисках чего-нибудь на предмет почитать в дороге, было холодно. Также холодно, как и внутри меня. Я даже не мерзла, ведь температура моей души соответствовала температуре воздуха. Вот только невозможность согреться изнутри для молодого человека, не перешагнувшего 25-летний рубеж, противостоит естеству.

Вместо автобуса подали маршрутку. То есть, наверно, в этом направлении так и бывает, но я думала, что поеду на большом красном “Икарусе”, а не на маленькой желтой маршрутке.

Мне предстояло просидеть в ней полтора часа. На самом деле, если бы у меня была машина, то я добралась бы до поместья минут за сорок. А так как машины у меня нет, то мне придется сначала доехать на автобусе до станции Белые камни, а оттуда добираться на попутке к дому Цируликов.

Как только мы выехали за пределы города, то есть, спустились с возвышенности, на которой был построен Гродин, стало ясно, что дождь поливал в эту ночь только городские улицы. Сухая дорога, ни одной лужи на обочине. Об этом парадоксе знали все жители Гродинской области – за городом погода всегда была лучше. Ветра, проливные ливни, морозы, туманы – все это доставалось урбанизированной части нашего района – городу с пригородами, а селяне и селянки наслаждались солнышком, умеренными осадками и бодрящим ветерком, он которого, как от городского, глаза на лоб не вылезали.

Почитать я ничего не купила, но это было даже хорошо. В дороге я смогла задремать – без снов и видений. Мне надо больше спать. Недосып скоро будет проявляться и на лице, и в поступках. А мне надо быть собранной, внимательной, сосредоточенной. И хорошо выглядеть, это тоже важно. Я не просто еду на деревню к деду. У меня миссия.

И как только я выполняю ее, я лягу, и буду спать.

2

Когда я прибыла в Белые камни, солнышко поднялось над лесом. Станица была такая зеленая, что не было видно домов. Пели птицы, люди занимались своими делами, и казалось, что в мире правит любовь, весна и гармония.

На остановке в станице, а настоящего вокзала здесь не было, я с полчасца ждала попутку до поместья, но дождалась. Меня взялся подвести в своем фургончике веселый молодежь-водитель по имени Леха. Он развозил продукцию колбасного цеха, который, оказывается, принадлежал деду Цирулику, по местным магазинчикам.

– Да тут Владимиру Иванычу все принадлежит. И молзаводик, хоть маленький, но вполне себе рентабельный, и цех хлебный, и яблоневый сад, и конюшня. А вы к нему по какому делу?

– Я не к нему, – заранее к таким вопросам я не готовилась, а надо было что-то отвечать. – Я к Виолетте.

Водитель покивал:

– А, вы подруги, наверно?

– Да.

Я стала смотреть в окно, не желая провоцировать любопытство водителя. Вообще-то согласно моим личным наблюдениям, которые я получила не только на родине, но и дале-

ко за ее пределами, все шоферы любят поговорить в дороге с попутчиками.

Мой водитель не был исключением. Почувствовав, что от меня ему особо информации не добиться, он решил хотя бы заполнить звуками пространство. Надо сказать, говорить он взялся на интересную тему: о Цируликах.

– Вы, как раз, к обеду успеете, к двум часам. Семейство там, конечно, большое. Дед, два его сына, да их жены и дети. А еще разные гости. Как вы, девушка. Я в их дом тоже колбасу и сосиски отвожу, так, бывало, глянешь – за столом у них каждый день не меньше восьми человек сидит. Дом гостеприимный, богатый. Всему голова, конечно, дед. Он же Гродиным двадцать лет правил. Да и кого, кроме Цирулика? На него все молились. Он, хоть и из старых партийных, но хозяйственник. Деловой, как сейчас бы сказали, человек.

Леха еще рассказывал про поля, леса и теплицы, которые принадлежали Владимиру Ивановичу, но я уже отвлеклась. Я в сельском хозяйстве мало что смыслю.

Наш фургончик, тем временем, свернул с трассы на широкую абсолютно пустынную дорогу. Перед поворотом на нее висел самодельный знак с надписью, сделанной почему-то готическим шрифтом: «Теремок». Леха сказал, что Теремком свое поместье называет сам Виктор Иванович, а эта широкая чудесная дорога построена только для обитателей Теремка.

А до поместья, сказал Леха, нам надо ехать еще пять ми-

нут.

Дорога проходила мимо яблоневого сада. Ровные ряды маленьких яблонек уходили от дороги в необозримые дали. Некоторые деревья еще цвели, но их оставалось совсем мало. В этом году вообще все как-то рано отцвело, а, может, это мне так просто казалось.

Впереди машины по обочине дороги шел человек. Он был одет в голубые джинсы и темную футболку. В руках человек держал толстую веревку или поводок. Мне показалось, что человек был молод и своей прогулкой наслаждался. Услышав, что сзади к нему приближается машина, пешеход обернулся, а, узнав ее, сделал рукой приветственный жест. Леха ответил ему, посигналив.

Когда мы обгоняли человека с поводком, а в руках у него был именно кожаный плетеный поводок, он улыбнулся нам рассеяно и приветливо, показав очень ровные белые зубы.

Даже понимая, что человек с поводком не видит меня, я невольно улыбнулась ему в ответ.

А впереди фургончика, тоже на обочине, возник новый неопознанный объект. Сначала он выглядел как серый шар, летящий сантиметрах в пятидесяти над поверхностью дороги, а когда мы стали догонять объект, стало ясно, что это большая лохматая собака, несущаяся на невозможной для этого вида животных скорости.

Породу собаки определить я не сумела. Сначала я увидела ее хвост. Он был длинным, а заканчивался плотным колеч-

ком. Тело собаки, в полном соответствии с хвостом, тоже было длинным и узким, лапы мощными, а голова не слишком крупной, по форме похожей на лошадиную, но с длинными висячими ушами, которые обычно украшают морды охотничьих собак. Я сумела разглядеть и его удлинённые, подведённые черным восточные глаза. Блеснув белками, пес быстро глянул на машину и, немного пригнув голову, ускорился.

Когда мы поравнялись с псом, я вдруг поверила, что обогнать нам его не удастся. Его движения были ритмичными и мощными: взлетая в воздух, собака вытягивалась струной – от кончика носа и до колечка на хвосте, потом его тело сгибалось, передние лапы уходили между задними, и, оттолкнувшись от земли, собака снова распрямлялась в воздухе, совершая новый роскошный длинный прыжок. Казалось, рядом с фургончиком движется совершеннейшая беговая биологическая машина, вроде гепарда или скаковой лошади. И, может быть, мое воображение разыгралось, но эта собака была похожа одновременно и на первого и на второго зверя.

Наконец, фургон оказался впереди бегущей собаки. Обернувшись назад, я увидела, что собака уменьшается вдаль, переходя из своего супергалопа в галоп, затем в рысь, в шаг, а потом, тяжело дыша и оборачиваясь на потерявшегося позади хозяина, небрежно трусит по дороге.

Вдалеке показался каменный забор и ворота. Увидев их, я ощутила, как забилося мое сердце. Обед у них должен быть в два часа дня, а до него я познакомлюсь с Виктором Ивановичем Цируликом. Скоро мой план воплотится. Думаю, уже к вечеру, а то и раньше я буду знать все.

Загородный дом семьи Цируликов недаром называли помещьем. Это было единственное жилое здание на ближайšie километры. Кстати, эти километры были ограждены забором – каменным со стороны дороги и, как я узнала впоследствии, из сетки-рабицы на остальной протяженности.

Открыть высокие, в два с лишним метра кованые ворота, впечатляющие своей вычурностью и ажурностью, должен был охранник. Он обрелся в специальной будочке, и Леха посоветовал мне войти в нее, поскольку здесь были установлены именно такие правила.

Самого Леху, вместе с его фургоном, пропустили за ворота без вопросов.

Разрешение войти на территорию поместья я получила от самого деда Цирулика. Не лично, конечно, а опосредовано.

– Проходите, пожалуйста, – равнодушно сказал охранник, отдал мне паспорт и открыл дверь будки со стороны двора.

И я вошла в сказку. Прямо передо мной раскинулся идеально симметричный парк, здорово похожий на какой-ни-

будь Версаль. Стриженные шарами цветущие кусты, невысокие ухоженные деревья разных видов, лавочки, фонтанчики, скульптурные Венеры располагались каждый на своем месте и ни на миллиметр дальше или ближе.

Дорожки были засыпаны красным битым кирпичом, отчего выглядели нежно-розовыми. Самая широкая из них – выложенная узорчатой плиткой, вела от ворот к двухэтажному большому дому, выкрашенному в сливочный цвет с розовой черепицей на мансардном этаже. Фасады дома были украшены лепкой, имитирующей колонны, арки и ниши. Из-за всех этих наворотов здание здорово напоминало свадебный торт – не хватало только фигурок жениха с невестой на крыше.

Я поискала глазами фургончик с колбасой, но он, наверное, остановился с обратной стороны здания. Скорее всего, у этого дома был и черный ход из кухни или других технических помещений. И эта деталь, наравне с другими, показалась мне шикарной.

Для дополнения картинки замечу, что небо над поместьем было синим с белоснежными облачками над горизонтом, а солнце стояло уже достаточно высоко, чтобы отразиться в окнах, но не в зените, чтобы расплавить этот кремовый дом.

И я направилась к нему, робея, но ни на секунду не раскаиваясь в том, что затеяла. Не успела я подойти к огромной двери дома, как она распахнулась. Меня встречал высокий худой старик с густыми седыми волосами, которые можно было бы принять за парик. Он ласково улыбался, а взгляд

его тускло-голубых, в красных прожилках глаз напряженно следил за каждым моим движением. Одет был старик в светлые брюки и белую рубашку с коротким рукавом.

Не было причин сомневаться, что мне оказана особая честь, ведь это был сам Виктор Иванович Цирулик – бог и царь маленькой вселенной под названием “Теремок”.

Говорят, что при первой встрече человек всего за несколько секунд решает, нравится ему собеседник или нет. Мне этот старик не понравился, а вот я ему – угадать было невозможно.

– Здравствуй, деточка, – произнес дед низким густым голосом. – Вот так, значит, выглядела жена Кости.

Я опустила голову. Старик бесцеремонно разглядывал меня:

– Какие дела привели тебя в наш дом? Пойдем в мою комнату, расскажешь...

Медленно, с опаской я вошла в холл, откуда вела лестница на второй этаж. Дед, чуть сгорбившись и приволакивая ноги, повел меня вверх по белому мрамору ступеней. К середине лестницы старик уже еле дышал, и нам пришлось задержаться на пару секунд, чтобы он мог перевести дух.

Этот дом, такой праздничный снаружи, теперь давил на меня. Здесь было слишком много атрибутов родового гнезда в роскошном, а, может, и киношном его понимании, чтобы им можно было верить. Лепные ангелочки, балюстрады, дубовые панели, тяжелые хрустальные люстры, медные ручки

с мордами львов на дверях, мебель на гнутых ножках – не стоило спрашивать, сколько это могло бы стоить, следовало бы поинтересоваться, что подменяет в жизни этого старого человека окружающая его роскошь?

А он уже усаживал меня в полосатое кресло, непрерывно, разглядывая мое лицо, мою одежду, втягивая носом воздух, наверно, чтобы различить мой запах. И я вела себя точно так же. В конце-концов, меня сюда не звали, а где-то в доме скрывался человек, который убил половину меня.

Из-за плотных занавесей и тяжелой мебели комната едва казалась темноватой. Единственным ее украшением был большой портрет женщины средних лет в полный рост. Женщина была одета в вечернее платье, украшена драгоценностями, но было ясно, что все это лишь антураж. У нее было очень простое круглое лицо с вздернутым носом и широкими бровями. Мне показалось, что Костя был очень похож на эту женщину.

– Итак, Неточка, – дед опустил в кресло напротив меня. – Чем я могу тебе помочь?

Он был очень конкретным человеком, и надо было ему отвечать.

– Виктор Иванович, я приехала познакомиться с людьми, которые окружали мою сестру в последний год ее жизни. Я не нуждаюсь в помощи, у меня все хорошо. Просто очень тяжело потерять сестру-близнеца.

И только когда дед проводил меня в комнату для гостей, чтобы я могла привести себя в порядок и отдохнуть перед обедом, я смогла немного разобраться в своих ощущениях.

Он был очень харизматичным, этот дед. И для меня включил свое обаяние на полную катушку. Зачем ему это понадобилось? Ответить вот так сразу на этот вопрос я бы не смогла. Можно пока решить для себя, что из обычной человеческой доброты.

Мне хотелось пить. Дед, как хороший хозяин, предложил мне чай, но я опрометчиво отказалась. Решив попросить воды на кухне, я вышла из своей комнаты, направившись по лестнице вниз. Согласно моим догадкам, кухня должна была находиться на первом этаже.

В это время в коридоре на первом этаже мелькнула быстрая серая тень, а спустя всего полминуты раздался вопль:

– Ах ты, чертова проклятая сволочь! Ворюга, скотина!

Кричала женщина, очень-очень сердитая женщина. Я остановилась на лестнице, припоминая, что в моей комнате есть ванная, а в ванной вода. Ничего, что сырая.

– Будь ты проклят, вор окаянный! – доносилось снизу.

В этот момент в том же коридоре снова появился серый призрак. Я пригляделась и узнала в нем ту самую здоровенную собаку с дороги. В доме он казался еще крупнее, хоть

и было понятно, что это животное скорее высокое, нежели массивное. Оказавшись в коридоре, пес несколько раз сыто облизнулся, с секунду постоял, выбирая направление, а потом расслаблено потрусил куда-то вглубь дома. Злые речи, которые по-прежнему доносились из-за двери, не производили на него никакого впечатления.

Он мне кого-то напоминал... Да, точно: кобель был похож на цыгана. Есть такой роскошный тип мужиков – чуть не мытые, чуть нечесанные и с глазами, полными неги. Моя бабушка называла их конокрадами.

В этот момент в холл вошел мужчина с поводком. Я смотрела на него, замерев на лестнице, ибо понимала, что у проклятий, которые я слышала, будет продолжение.

– Здрасьте, – сказал мне мужчина, подняв голову.

Он хотел добавить что-то еще, но не успел. Из двери, откуда недавно вышла серая собака, высунулась тетка в белом переднике. Она была кругленькая, лет тридцати и очень милостивая. Волосы женщины были аккуратно собраны в узелок на затылке. Меня она не заметила, что не могло не радовать.

– Илюха, – сказала сердито тетка в переднике, – твой проклятый кобель килограмм свинины украл! А свинина для обеда была припасена. Я только отвернулась к плите, а он тут как тут! Если я его поймаю, я его убью. А если он от той свинины сдохнет, так я просто счастливая буду!

– Зоинька, – ответил ей мужчина, улыбаясь своей бело-

зубой улыбкой, которая снова показалась мне очень привлекательной. – Ты сама этого проклятого кобеля прикормила. Кто его вчера пирожками пичкал?

– А что, его можно не пичкать?.. Пришел вчера, усталый, набегался, стал просить пирожок... – пробурчала женщина, сообразив, что сама виновата.

Смутившись, она снова вернулась на кухню.

Мужчина почувствовал мой взгляд и поднял голову. Глаза у него были серо-голубые, смешливые и ясные.

– Меня зовут Илья. А вы кто? – спросил он.

– Я сестра Светланы, жены Кости.

– О! – в этот короткий звук мой собеседник вложил довольно много эмоций, что почему-то было мне приятно.

– Ничего, – сказала я. – Что же делать... Я хотела попросить на кухне воды.

– Принесу вам воды, – вызвался он. – Зоя Павловна, она сейчас сердитая. Не вы, конечно, свинину сперли, но ведь наказать-то кого-то надо.

4

Итак, мой час настал.

У меня был план. Я войду в комнату, где будет собрана вся семья, скажем, во время обеда, и они увидят Вету. Невозможно, чтобы убийца в такой ситуации себя не выдал!

Я не знаю, что я сделаю, когда увижу его или ее. Может,

ничего особенного, а, может, заставлю его признаться в содеянном при всех членах семьи и сдам его в милицию. Но, может быть, я нанесу только одну пощечину, которая должна гореть на щеке убийцы до конца его дней.

Следователи, все эти люди, которым поручили разобраться с громким двойным убийством, придумали кучу версий. Костю и его жену застрелил кто-то, желавший отомстить бывшему мэру за то или за другое. Костю и его жену застрелила бывшая девушка Кости. Молодых Цируликов убила подруга жены, завидуя, что Вете так повезло с мужем. Они проверяли даже меня...

Следователь по имени Павел Петрович Седов сумел раскопать и кое-что серьезное. Сам Костя и его супруга наркотики не употребляли, но Костя спонсировал студенческую лабораторию, в которой изготавливался некий препарат. Лабораторию нашли, студентов, связанных с ней, арестовали, но убийцу среди них не обнаружили. Седов рассказал мне, что Костя брал совсем немного из произведенного в тайной лаборатории. Буквально, для одного человека. Вот только, для кого?

Неудача официального расследования не казалась мне случайной. Я знала, я видела, я чувствовала, что тот, кто нажал спусковой крючок пистолета, послав пулю в сердце Веты, был близким Косте человеком и ненавидел его жену. Он любил Костю и застрелил его, скорее всего, случайно или под горячую руку. Иначе, почему в больницу отвезли только

его, оставив Вету умирать одну?

Я уверена, что этот кто-то был членом семьи Цируликов. И мне думается, что дед знает имя виновного в смерти внука и его жены. А, зная его, он нашел способы убедить руководство правоохранительных органов в том, что расследование не должно коснуться семьи. Поэтому мне и надо быть осторожной с Владимиром Ивановичем Цируликом.

Сейчас убийца находится в этом доме. Он здесь, неподалеку. И я встречу его через пятнадцать минут в столовой.

В мою дверь постучали.

– Нета, – на пороге стоял дед. – Я провожу тебя в столовую. Уже два часа, пора обедать.

Я была так напряжена в ту минуту, что восприняла его слова, как приглашение на казнь. Мы спустились вниз по белой лестнице, прошли по тому коридорчику, в котором я видела сначала собаку, потом повариху, а потом и мужчину с поводком, и вошли в одну из комнат за тяжелой дубовой дверью.

Здесь, в просторном светлом помещении за круглым столом, накрытым белой скатертью, сидела вся семья. Я поздно испугалась, что домашние уже предупреждены о приезде сестры Веты и мой эксперимент уже провален. Однако, в семье Цируликов люди не спешили делиться новостями между собой.

Дед вошел в дверь столовой первым, оставив меня в шаге позади себя. Он был выше меня ростом, и я не могла видеть

тех, кто сидел за столом, но и я была скрыта от их глаз.

– Добрый день, – сказал дед семье.

Ответили ему вразброс, недружно, после чего старый Цирулик сообщил нечто, вызвавшее паузу, сравнимую только с той, что всегда следует за фразой “К нам едет ревизор”:

– У нас гостя.

Он прошел вперед, к своему месту за столом, а я осталась стоять на пороге. Пролепетав тихое приветствие, я жадно смотрела на присутствовавших, боясь упустить малейшее выражение их лиц, любой знак, который помог бы мне узнать своего убийцу в лицо.

«Вета, помоги мне!» – просила я сестру, узнавая почти всех сидевших здесь по ее письмам.

Эльвира, хрупкая женщина с пышными светлыми волосами, одетая во что-то простое и элегантное, побледнела и слабо улыбнулась мне. Вряд ли это она...

Виолетта, крупная брюнетка, грудастая и ладная, растопырила ресницы и прошептала: «Вау!». Я отметила это.

Руслана, клон своей дочери, но на двадцать лет старше, изумленно покачала головой. Поправив иссиня-черный локон, она томно глянула на мужчину с поводком. То есть, на Илью, который тоже сидел за столом, но был, само собой, без поводка.

Отец Кости, Валерий Викторович, благообразием напоминавший Николая II, смотрел на меня, удивленно и испу-

гано, отчего напоминал суслика. Он был одет в спортивный костюм, который выгодно подчеркивал его развитые бицепсы.

Андрей Викторович, его брат, полноватый дядька с лысиной, почесал правую ладонь. Красный камень на его кресте отразил луч солнца. Его жена, Анна Степановна перекрестилась. Заметив это, осенил себя крестным знамением и ее муж.

Никита, хрупкий как мать, с выражением вечного недовольства во взгляде, отложил ложку и отвернулся к окну. Мне показалось, что он нервно вздохнул, словно бы ему трудно было взять себя в руки. И это про себя я запомнила.

Но больше запоминать было нечего. Никто не бросился ко мне с признаниями и раскаяниями, никто не вскричал: «Я чудовище!», никого убийцей назвать я бы сейчас не смогла.

– Дети, это сестра жены Кости. Ее зовут Нета, – уточнил дед.

Илья поднялся с места и придвинул от стены к столу стул. Я прошла и села рядом с ним.

На пороге появилась Зоя Павловна в сопровождении серой собаки. Она принесла прибор для меня. Никто не потрудился заранее предупредить повариху, что за столом будет еще один человек. Странно.

Серая собака покружилась на месте и, стукнув суставами о паркет, легла на пол.

Никто из членов семьи не задал мне ни единого вопроса. Что это было – деликатность, равнодушие или невоспитанность?

Никита завел речь о беспутных нравах современной молодежи, которые лично он наблюдает в лагере студентов-археологов, занимающихся раскопками на территории поместья.

– Дед, почему их прогнать нельзя? – вопрошал он. – Ну, ведь мерзость творится: пьют каждый вечер, музыка орет, девки чуть не голые пляшут.

– Я попрошу Дмитрия Петровича, навести порядок, – сказал Эльвира сыну. – Никитушка, что ты так разозлился на бедных ребяток? Ты и сам с ними осенью шашлыки жарил и пиво пил.

– Я был гостеприимным, – ответил Никита недовольно. – Но они же добра не помнят! А твой Дмитрий Петрович, мама, на ночь в Гродин ездит, к жене и детям, а что тут деется – ему без разницы. Он монографию о питекантропах пишет, ему не до реальной жизни.

– Не о питекантропах, Никитушка, – мягко поправила его отставная актриса. – О культуре, которая была тут в шестом веке...

Никита возмущенно хмыкнул, но спор прекратил.

Руслана, сидевшая как раз напротив меня, спросила у

Илья, не может ли он дать ей урок верховой езды? Илья, который в своих пыльных джинсах явно диссонировал интерьеру, объяснил ей, что сейчас на конюшне нет той лошади, на которую можно было бы сесть Руслане. А те, что есть больно прыткие и не дай бог, сбросят неопытную наездницу.

Никита, следивший вполуха за объяснениями Ильи, криковато ухмылялся.

– Илья Александрович, – сказал он, наконец. – Не родился тот жеребец, который сбросил бы Руслану. И тебе не удастся.

Илья, который, кажется, и сам понимал это, отделался улыбкой. И на этот раз она, блеснувшая в непосредственной близости от моих нервных рецепторов, заставила меня вздрогнуть. Понимая, что теряю ощущение реальности, я начала на себя злиться.

На слова Никиты Руслана никак не отреагировала, зато дед глянул на внука недобрым взглядом, а Валерий Викторович, полуоткрыв рот, уставился на жену. У отца Кости была занятная мимика: в обычной жизни он казался очень симпатичным человеком, но в момент недоумения, удивления или замешательства становился похож на мелкого грызуна.

Остальные совсем замолчали и сосредоточено ели. Я заметила, что у всех членов семьи, кроме деда, аппетит был отменный. Даже Эльвира, которая обследовалась в больнице сына с подозрениями на рассеянный склероз и не так давно получила подтверждение диагноза, жевала не переставая. Но тут я бы не стала делать далеко идущих выводов, ведь я не

знаю, какой аппетит у таких больных.

Серый пес, позевывая, поднялся с паркета и с самым независимым видом вышел на виртуальную траекторию стола. Его глаза, который сначала показались мне загадочными и восточными, сейчас были глазами обычной голодной собаки, а ведь не так давно афган полакомился свининкой.

– Альхан, – тихо и строго сказал ему Илья.

Кобель сделал вид, будто его имя не угадали. Он спокойно обошел сидящих за столом людей, потом потоптался на месте и снова проделал то же самое. Видимо, собака в совершенстве владела искусством зомбификации. Не поддавался на его ухищрения только Никита, опасливо следивший за перемещениями кобеля. Я подумала, что он побаивается Альхана, а, может, слишком брезглив и ему неприятно присутствие животного в столовой, да еще и во время трапезы.

Еще через полтора круга Альхан замер на долю секунды возле Валерия Викторовича, и тут же с тарелки тренера исчез кусок ветчины.

– О, черт! – сказал Валерий Викторович, однако без малейшего раздражения.

– Я убью тебя, Альхаша, – пообещал Илья.

Пес вздохнул и, явно надувшись, удалился за пределы столовой.

Илья улыбнулся одними глазами, остальные члены семьи тоже немного оживились, но ненадолго.

К десерту, а это было яблочное суфле с вишней, семья

приступила в полной тишине.

– Дети, кто из вас покажет Вете поместье? – прервал молчание дед.

– Я занята, – сказала Виолетта очень быстро.

– Я уезжаю в город, – еще быстрее ответил Никита.

– Я плохо себя чувствую, – ласково откликнулась Эльвира.

– Ко мне приехала массажистка, – сообщила Руслана.

– Нам надо исповедоваться, – объяснил Андрей Викторович.

– У меня тренировка. У моей команды завтра встреча с краснодарцами! – поделился планами Валерий Викторович.

Дед посмотрел на них со слабо скрываемым выражением давнего разочарования и перевел взгляд на меня:

– Что же, тогда пусть тебя по поместью поводит Илья, Веточка. Ты уже познакомилась с Ильей?

– Я видела его с собакой, – ответила я.

– Илья – это наш придворный шут, – ядовито представила его Руслана.

– Нет, наш белый ангел, – сказала Эльвира.

– Конюший, – ввязался в конкурс по остроумию Никита, но осекся и добавил совсем другим тоном: – Илья Александрович, не слушай нас, ты же знаешь...

Я отвернулась, чтобы в меня не ударила следующая молния его улыбки. Мне не стоит отвлекаться, ведь я провалила свой первоначальный план. Узнать убийцу мне не удалось.

– Нета, Илья, подождите меня! – Эльвира догоняла нас почти бегом. – Вы же пойдете на раскопки?

– Мы пойдём на раскопки? – спросила я, обращаясь к Альхану, потому что смотреть на Илью становилось все сложнее.

– В первую очередь, – пообещал мне Альхан голосом Ильи.

– Ох, догнала, – радостно сказала Эльвира, присоединившись к нам. Она собрала свои золотые кудри под розовую косыночку и стала похожа на Мэрилин Монро. – Нета, у нас же тут раскопки... Мой двоюродный брат – археолог. И вот он звонит мне прошлым летом и просит, чтобы я попросила Виктора Ивановича пустить его тут покопаться. Дед возражать не стал и Дмитрий Петрович со студентами развели свое хозяйство.

– Так что же они раскопали?

– Ой, да что там можно раскопать? Горстка праха, куски каменной стены и костяной нож, вот и все. Но Дмитрий Петрович очень гордится своим городищем. Он, ведь, его не случайно нашел, а вычислил. У нас тут и на месте Гродина были древние поселения, а между ними проходила дорога через гору. Она не сохранилась... Пришли.

Пока мы говорили с Эльвирой, Илья вывел нас за пределы

парка, окружавшего дом, и провел тенистой дорожкой через лесополосу на заброшенное пшеничное поле.

На том поле оказалось неожиданно оживленно: молодежь, чуть помладше меня, вооруженная лопатами, кисточками, ситами и прочим археологическим инвентарем, суетилась вокруг раскопанных ровных квадратов. Веревка, привязанная к колышкам, символизировала границу раскопок. Чуть поодаль стоял автомобиль археолога.

Это место Альхану очень нравилось, он пулей выскочил из лесополосы и, вызывая восторженные вопли девчонок и парней, стал мотаться вокруг раскопанных квадратов. Я уже заметила, что эта собака в любом обществе и при любых обстоятельствах всего за несколько секунд набирала Фан-клуб, которому позавидовал бы Элвис.

Навстречу нам направился улыбающийся толстячок. На середине пути он отвлекся на что-то.

– Бондаренко, Ищенко, валите оттуда! Не трогайте деревянный настил! – крикнул он двоим студентам, остановившемуся в самом крайнем квадрате раскопок.

– Эльвира, здравствуй! – он взял руку актрисы и приложился к ней губами. – Здравствуйте, – сказал он нам гораздо менее ласково.

– Ну, что тут у вас? – спросила Эльвира.

– Да все в порядке. Смотри, вон там – еще одно захоронение. Мужчины лежат на правом боку, женщины – на левом. Это городище Малогрязнушкинской культуры, как я и пред-

полагал. И я нашел то, что искал. Все-таки, он существует. Пойдем, покажу тебе...

Эльвира оглянулась, было на нас, но пошла за толстячком.

– Пойдем, Нета, – сказал мне Илья вполголоса. – У Эльвиры тут свой интерес – как ни крути, а жизнь в поместье скучновата. Но вас эта тоска не коснется: сейчас я покажу нашу конюшню. Вы любите лошадей?

Он говорил со мной, как с маленькой девочкой, а я чувствовала себя школьницей, влюбившейся в учителя.

Мы пошли от раскопок прочь. Альхана Илья не позвал, этот пес сам всегда решал, что он будет делать и где столоваться. Сейчас сердобольные студентки откармливали кобеля сосисками, а один из парней уже налил ему в мисочку молока.

– Ваша собака, какой породы? – спросила я Илью, когда мы снова углубились в лесополосу.

– Это не моя собака, а Валерия Викторовича. Собственно, лошади тоже ему принадлежат, и катер в пруду... Кобель у нас афганский. Борзой, что заметно с первого взгляда.

Илья шел размашистым шагом, и я еле поспевала за ним. В природном антураже он смотрелся гораздо более органично, нежели в помпезной столовой тортового дома.

– У вас тут еще и пруд с катером? – чуть запыхавшись, спросила я.

– Да, только он заброшен совсем, – Илья обернулся ко мне и, заметив, что я дышу как паровоз, сбавил скорость. – И

пруд заброшен, и катер тоже. Я – сухопутное существо, и что делать в водном мире не знаю.

– А что вы, вообще, здесь делаете?

Мужчина с поводком (поводок снова был в его руках) слабо усмехнулся и пожал плечами.

– Живу.

– Вы родственник?

– Нет, я... иждивенец. Как все тут. Только я все-таки стараюсь пользу принести – за собакой присмотреть, лошадей почистить, покормить. За домом нужно следить, за садом, поля тут, фруктовые сады... Да много всего.

– Но вы не похожи на грума и собаководы. У вас какая профессия?

– Не скажу. Ты... давай на ты? – я кивнула. – Ты смеяться будешь.

– Не буду, скажи!

Илья усмехнулся уголком рта:

– Я философский факультет закончил. В одном московском вузе. Но это очень давно было, двадцать три года назад.

Я остановилась, как вкопанная:

– Сколько?.. Сколько же тебе лет?

– Сорок пять, как и Валерию Викторовичу. Мы с Валеркой бывшие одноклассники.

До самой конюшни я вопросов не задавала.

– Боже, красота какая! – я восхищенно замерла на пороге обещанной конюшни.

Шесть лошадиных морд, одна симпатичнее другой, смотрели на меня поверх деревянных дверок.

– Да, у нас тут хорошо, – сказал Илья.

В просторной каменной постройке пахло сеном и лошадьми. Валя и Вадим, пожилая пара, которая обслуживала конюшню, выдали мне несколько тщательно отмытых морковок и разрешили угостить лошадей. Морковку с ладони лошади брали неожиданно мягкими губами, от этого к ним рождалось нежное чувство, будто перед тобой вовсе не двухсоткиллограмовое непарнокопытное животное, а кто-то вроде кролика.

Четверо из шести лошадей были кобылицами. Они все имели рыжий окрас, а два жеребца были вороными. Одна кобылица была еще почти жеребенком – ей был всего годик.

Илья предложил прокатиться верхом.

– Руслане нельзя, а мне можно?

– Ну да, – ответил он легкомысленно, явно не собираясь оправдываться.

Постыдившись кокетничать, я согласилась на его предложение.

Опыт верховой езды у меня был очень невразумительный.

Когда-то в детстве отец сажал меня на лошадь, но я с нее свалилась, больно ударилась и потом долго боялась лошадей вообще. Но лет в шестнадцать я приняла волевое решение научиться ездить верхом, записалась в конноспортивную школу и прозанималась там около полугода. С тех пор лошадей вблизи я не видела.

Илья оседлал для меня пожилую спокойную кобылицу по имени Анапа, а себе выбрал Вишню – кобылку гораздо менее покладистую. Я гордо отказалась от помощи и, сосредоточившись и раскорячившись, влезла в седло. Получилось не слишком эстетно, но Илья одобрительно подмигнул.

И тут же мне стало весело. Может быть, это был всего-навсего банальный выплеск адреналина, обычный химический процесс, но весь окружающий мир стал лучше.

Мы выехали из конюшни и двинулись через поле к деревянной калитке в сетчатом проволочном заборе. За забором начиналась степь, которая сейчас, поздней весной цвела и зеленела. Небо над степью было большим и даже огромным, напоминая о фантазиях древних про то, что небосвод – это крышка в форме полушария, которую боги положили на плоскую землю. Сейчас крышка-полушарие было голубым, свежим и глубоким. Ветерок, обдувавший мое лицо, приносил запахи разноцветий, разнотравий и влажных валунов.

Ощущение трепетного восторга не оставляло меня. Казалось, что еще чуть-чуть и Анапа, которая шла шагом, взлетит. Наверно, у Анапы была мягкая походка, а, может, при-

чина эйфории крылась в чем-то другом...

Заметив выражение моего лица, которое следовало бы описать как глупо радостное, Илья тоже улыбнулся и сказал:
– Так ближе к звездам. Ты чувствуешь?

Так, то есть верхом, было ближе и к нему самому. Мы вдвоем словно бы перешли в другое сословие – в сословие всадников, которым заботы плебса были безразличны. Это нас объединяло. Только забыть о том, что я волк в овечьей шкуре, шпион на вражеской территории не получалось.

– Илья, а тебе Виктор Иванович зарплату платит? – говорить приходилось громко, хоть наши колени почти соприкасались. Степной ветер пытался унести слова за холмы и равнины.

– Я пашу за кусок хлеба, – весело ответил он, пустив Вишнюю рысью.

Моя Анапа, не дожидаясь факса с распоряжением, тоже перешла на рысь. Не сориентировавшись, я пару раз стукнулась копчиком о седло, но вскоре вспомнила, чему меня учили в конноспортивной школе.

Догнав Илью, который сидел верхом как влитой, я стала снова приставать с вопросами:

– Илья, а живешь ты где?

– В доме.

– Но как же без зарплаты жизнь? Тебе же нужно покупать какие-то вещи, что-то еще?

– На вещи и что-то еще мне дают деньги.

– Каждый месяц?

– Нет, если я попрошу.

– Но что ты будешь делать в старости? Раз нет зарплаты, то нет и пенсии.

– Умру.

Возможно, ответы Ильи раскрывали его личную философию жизни, непонятную мне и необъяснимую с точки зрения здорового мещанского рационализма.

Назад мы вернулись только через два часа. Слезть со спины потной Анапы я смогла сама, но идти было почти невозможно. Во-первых, ноги не держали, а во-вторых, без высоты роста Анапы земля оказалась недопустимо близко к моим глазам, а звезды – слишком далеко.

8

Ужин прошел в молчании. Присутствовали все те же, что и за обедом, но без Никиты. На этот раз я совершенно точно разглядела, что дед выглядел нехорошо. Он почти не ел, его руки дрожали, лоб покрывала испарина. Дед все время пил воду, а, выпив два стакана, налил себе в большой бокал грамм триста коньяку.

Как только ужин подошел к концу, Виктор Иванович тяжело поднялся из-за стола и небрежно кинул:

– Виолетта, Илья Александрович и Андрей Викторович, хочу видеть вас в моем кабинете. Остальным – спокойной

ночи!

Илья тут же поднялся и, догнав деда у двери, поддержал его под локоть. Как мне показалось, весьма вовремя, потому что старик заметно пошатнулся.

Виолетта, наоборот, не двинулась с места. Она просто помертвела лицом: ее губы и щеки потеряли цвет. Руслана смотрела на дочь широко открытыми глазами, полными ужаса. Не понимая, что происходит, я вообразила, что каждый вечер в своем кабинете дед отрубает пальцы приглашенным иждивенцам.

Андрей Викторович тоже не выглядел счастливым. Его супруга даже всхлипнула, но священник ободряюще похлопал ее по плечу.

Наконец, Виолетта и Андрей Викторович встали из-за стола, и вышли из столовой.

Оставшиеся тут же заговорили:

– Это уже в сотый раз! – сказала Эльвира со сдержанным возмущением.

– Андрюха теперь просто повесится, – сочувственно произнес ее бывший супруг.

– Господи, Виолетточку-то за что? – пригорюнилась Руслана.

– Не мое дело судить, ибо не суди, да не судим будешь, – возбужденно заговорила Анна Степановна. – Но Виктор Иванович поступает просто не по-христиански! Ведь не себе наследство в карман положит Андрей Викторович, а все для

бога...

– Да, не себе! – ехидно поддакнула Руслана. – А что же он рабочим, которые церковь в Белых камнях строят, зарплату не платит? И откуда у вас, божьи вы люди, «Мерседес» последней модели?

– Какой «Мерседес»? – попадья насупилась. Казалось, она не удивлена, наглым заявлением родственницы. – Что вы говорите, Руслана? Мы с отцом Евстратием на шестой модели «Жигулей» уже десять лет ездим.

– Ну, вы о своем автопарке у супруга спросите, – ответила ей Руслана все тем же неприятным тоном. – Только я видела его в городе на «Мерседесе», да не одного...

Анна Степановна сжала губки в куриную гузку. Ей явно не хотелось продолжать разговор на эту тему.

– Руслана, ты не обязана была... – сказала Эльвира.

Руслана пожала плечами:

– И что ты лезешь со своими советами, дорогая? Я вот не пойму, Элечка, почему тебя из завещания не вычеркивают? А ведь ты тут никто.

– Я мать его внуков, – парировала Эльвира. – Никто тут – вы с Виолеттой. А ты уже решила, что своему купишь на завещанные денежки своему алкашу и рецидивисту?

От Эльвиры я такого не ожидала. Руслана, впрочем, тоже.

– Да как ты смеешь?! – взвилась она. – Да что ты знаешь?!

Эльвира хмыкнула, в ее глазах сверкнуло что-то нехорошее:

– Да уж, знаю! Мне сын все рассказал! Просто удивительно, как некоторые умеют замуж выходить, и при этом содержать любовника?

Скандал разгорался. Я уже ожидала веселой потасовки двух матрон, как в столовую вернулся Илья и, быстро сообщив, что творится нечто неприличное, прекратил веселье:

– Эля, Руслана, не надо. Руслана, ты бы к дочери сходила, у нее, кажется, истерика. Валерка, – обратился он к перепуганному бабскими разборками другу. – Налей Эле коньяка.

Порядок был восстановлен.

После ужина народ разошелся по своим комнатам. Оказалось, все члены семьи, а также гости вроде меня и человек, работающий на деда за стол и кров, обитали на одном этаже.

Эльвира, Никита и Андрей Викторович с супругой – в правом крыле, где осталась навеки пустовать комната Кости, а Руслана с Валерием Викторовичем, Виолетта и дед – в левом. Мне досталась козырная комната с окнами, которые находились прямо над входом в дом, комната Ильи была напротив. Его окна, насколько я могла догадаться выходили на сторону хоздвора и степи, где так здорово ездить верхом.

Поздно вечером я поняла, что мне не спится. Это было ничуть не удивительно, потому что мои безмятежные дни миновали. Где-то в глубине сумки у меня валялась пачка сигарет, которые в данной ситуации могли оказаться не лишними. Курить в комнате я не хотела, а потому вышла из дома в парк.

На ближней ко входу лавочке сидела Эльвира.

– О, Неточка, – приветливо сказала она, заметив, что я вышла из дому. – У тебя, случайно, нет сигаретки?

Я показала ей пачку, и мы обменялись понимающими улыбками.

С наслаждением закурив, Эльвира сказала:

– Ночь такая красивая, правда?

Не согласиться с ней было невозможно. Здесь, за городом, в отсутствии уличного освещения да при не загазованном воздухе звезды имели пугающие размеры. Я откинулась на спинку лавки и стала смотреть вверх, пытаясь различить созвездия.

– Ты, наверное, скучаешь по сестре? – спросила Эльвира.

– Очень, – ответила я. – Мы с ней были единым целым. Что происходило со мной – то и с ней. Но вам, наверное, еще хуже...

– Говорят, что матери любят всех детей одинаково, – ее слова звучали как реплика из какой-нибудь классической пьесы. – Но сейчас мне кажется, будто Костю я любила больше. Как же тяжело детей терять!

– А каким он был в детстве?

– Костя? – Эльвира оживилась: – они с Никиткой совсем разными были. Костя более спокойный, даже замкнутый. Он любил читать, к наукам склонность имел. И хитрючий был, – Эльвира даже рассмеялась. – А Никита – тот наоборот. Эмоциональный тип, экстраверт. Если что не нравится, тут же

сообщит в полный голос. Но братья не ссорились. Костя старшего брата обожал и всегда плясал под его дудку. Никита больше на деда похож, а дед всегда больше Костю любил. Да все больше Костю любили...

9

Рано утром я проснулась, но встать смогла не сразу. Верховая прогулка отразилась на моих мышцах весьма болезненно: ни согнуть, ни разогнуть ноги, ни встать, ни сесть... Еще у меня страшно болел копчик и светился краснотой синяк от стремени на щиколотке правой ноги.

Но это были мелочи. Гораздо хуже было состояние моего ума. Я очень сожалела о непродуманности своих действий, об отсутствии хоть какого-то мало-мальски обоснованного плана, о своей неопытности в области человеческих отношений. К тому же, я была дезориентирована состоянием влюбленности, отрицать которую было бессмысленно.

И даже сейчас, ругая себя на чем свет стоит, я видела перед собой улыбку Ильи. Она всегда была неожиданной, быстрой и яркой. В какой-то момент немного отчаянной или даже яростной... Нет, это фантазии. Но было что-то в его улыбке, как в улыбке Джоконды – неуловимая эмоция, которую невозможно описать или отразить.

«Джоконду приплела, – сказала я себе тоном Ветки. – Влюбилась ты, вот и все. А сама и в голову не берешь, что

Илья старше тебя ровно в два раза!».

Если бы Ветка и вправду мне бы это сказала, то я бы смогла ей ответить, что сорок пять – это не шестьдесят. Да и не выглядит Илья на такие большие годы – худой, плечистый, темноволосый мужчина с мальчишечьей улыбкой.

Я влюбилась.

Мне хотелось бесконечно думать об этом, но тут я услышала в коридоре встревоженные голоса. В мою дверь постучали.

– Войдите, – сказала я, накидывая халат.

В комнату заглянул властитель моих грез. Он был немного угрюм и забыл побриться, поэтому сейчас было легче поверить в его сорок пять.

– С добрым утром. У нас тут трагедия. Ты не могла бы помочь?

Оказалось, что пятнадцать минут назад Никита заглянул в комнату матери и нашел ее мертвой. Она покончила с собой, выстрелив из пистолета себе в висок.

Попросив две минуты, чтобы одеться, я вышла в коридор. Здесь уже бродила вся семья за исключением деда.

– Чем я могу помочь? – спросила я Илью. Из всего табора только он не воздевал руки долу, не охал, не ахал и не разливал по полу валерьянку.

– Пожалуйста, побудь с Никитой.

Никита был в своей комнате. Я вошла очень тихо и остановилась на пороге.

Обстановка здесь была гораздо более аскетичная, чем в тех комнатах, где я уже побывала: полутороспальная кровать, застеленная темно-синим пледом, стол с компьютером, книжные полки, на которых стояли толстые и суровые издания по экономике, химии, менеджменту. Журнальный столик, два небольших кресла, телевизор, стереосистема. Комната взрослого мальчика или комната трудоголика, отказавшегося от хобби и развлечений.

Хозяин комнаты, одетый в брюки и темную рубашку на выпуск, метался по комнате, сжав руки в кулаки.

– Никита, хочешь, я тебе чаю сделаю? – как надо себя вести с человеком, у которого застрелилась мать, мне было непонятно.

Он обернулся на меня. Его черные глаза казались огромными на узком лице. Огромными и отчаянными. Я не знала, что он сейчас скажет или сделает, и это смущало.

– Нет, не надо чаю.

Он сел на краю своей кровати, но тут же снова подскочил. Я подошла к нему и попыталась взять его за руки:

– Никита, тебе надо успокоиться. Сейчас приедет милиция, надо будет все рассказать. Понимаешь?

Сейчас, когда солнечные лучи желтым снопом падали в комнату, сходство Никиты и Эльвиры было особенно явным – те же четко очерченные припухшие губы, глаза с тяжелыми веками, резкий, но выразительный профиль. Он мог бы считаться привлекательным мужчиной, если бы не излиш-

няя хрупкость, из-за которой можно было подумать, будто в детстве его плохо кормили.

– Зачем мама сделала это? – сказал Никита, скинув мои ладони со своих запястий, и снова забегал между столом и окном. – Я домой вернулся полчаса назад, привез ей лекарства. Она заказывала. Захожу в ее комнату, а она лежит на полу. И кровью пахнет. Так страшно, так страшно! Ты только представь...

Никита с размаху стукнул кулаком о стену.

– Черт! Больно!

Я подошла к нему.

– Дай посмотрю.

Кожа на костяшках правой руки была содрана, а на стене в месте удара остался кровавый след. Это место на стене придется закрасить.

– Я тебя понимаю, Никита, – сказала я. – Хорошо понимаю. Странно только... Твоя мама совсем не выглядела так, будто ее что-то гнетет.

– Да? – переспросил он. – А как она выглядела?

– Она грустила по Косте, – вспомнила я вчерашнюю ночь со звездами и огонек сигареты Эльвиры.

– А еще?

– Она поссорилась с Русланой...

– И ты говоришь, что мама не выглядела угнетенной? Она тосковала по Косте и нервничала. Иначе она никогда бы не поссорилась ни с кем. – Никита всхлипнул, но удержался от

слез. Вместо этого он вдруг прижал меня к себе со всей импульсивностью, на которую был способен.

– Нетка, ты сирота и даже сестру потеряла, – зашептал он мне в шею. – Я теперь тоже. И по Косте скучаю! Я уже и не знаю, что мне делать...

Аккуратно высвободившись из его рук, я отрицательно покачала головой. Мне было не очень ясно, что он имеет в виду.

Мы пробыли вдвоем до приезда милиции. Потом Никита, а после него и все остальные давали показания. Выяснилось, что звук выстрела слышали только Андрей Викторович и Илья. Причем оба не подумали, что это был именно выстрел. Андрею Викторовичу показалось, будто грянул гром, а Илья подумал, что хлопнула задняя дверь, которая находилась на первом этаже как раз под его окнами. Ее обычно не запирали на ночь из-за привычки Альхана возвращаться домой после того, как все улягутся спать.

Андрей Викторович не обратил внимания на то, в какое время прозвучал выстрел, а Илья посмотрел на часы. Было около часа ночи.

Тело Эльвиры увезли на экспертизу. К полудню дом Цируликов покинули и представители милиции.

После обеда, который Зоя Павловна накрыла раньше

обычного, дед, совсем разбитый, ушел к себе. Илья, свиснув Альхана, тоже отправился по делам. Остальные задержались в столовой.

Виолетта, которая сегодня не потрудилась даже приче- саться, сказала, обращаясь к Никите, но так, чтобы слышали все:

– Никитка, дед вычеркнул меня из завещания. А вписал – эту!

Она ткнула пальцем в мою сторону.

– Ее зовут Анна, – сказал жестко Никита. – А тебя и на- до было вычеркнуть. Ты на шее деда уже пятнадцать лет си- дишь, он тебе диплом купил, а спасибо так и не дождался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.